

Госпиталь

Я был госпитализирован, когда вторая волна ковида пошла на спад

Отвечайте только «да» и «нет».

Отвечаю.

– Поднимите голову.

Поднимаю.

COVID – раз. COVID – два. Мазки взяты.

На бумажке, которую мне вручают, – схема приемного отделения. Наглядно, аккуратно, понятно.

Справедливость порядка.

В палате изоляционного блока шесть коек. Здесь я буду 24 часа – до результатов анализа.

Две койки уже заняты. Выбираю свою – у стены.

Постель – сияние зубного порошка. Не вяжется ни с моим личным, ни с чужим опытом.

Справедливость чистоты. Возможно, первое впечатление.

На дальней койке человек с сильным кашлем. «Дальний».

На ближней – бесшумный. «Ближний». Укрыт с головой. К нему направляются санитар и нянечка. Готовятся кормить. Начинают с того, что приподнимают на кровати, подпирают подушкой, кормят с ложечки.

– Кушаем? – говорит нянечка.

– А?

– Миленький, – повторяет нянечка, – кушаем?

– А?

– Ему 96, – говорит мне «Дальний».

– Кефирчика? – настаивает нянечка.

– А?

«Господи, – думаю я, – утопи меня раньше «А?»».

– У него пять орденов, – говорит мне «Дальний».

И между кашлем и кашлем: «Он сталинградец. Лечится здесь каждый год. Как и я. Откуда у нас COVID?»

Справедливость заботы.

– А сколько вам лет? – спрашиваю я.

– 94, – отвечает «Дальний».

И снова – между кашлем и кашлем: «Мой старший брат погиб в 44-м. Я воевал до конца. Отомстил за брата. И за всех. Да».

Справедливость отмщения.

Если бы справедливость покинула мир хотя бы на одну минуту, – думаю я, – мир бы не продержался и часа.

Госпитальные ночи длиннее домашних, только на одну, но бесконечную. Утро тем не менее наступает. Анализ на COVID-19

отрицательный. Перевод в кардиологическое отделение. Все происходит без пауз, без заморочек.

Полное совпадение с первыми впечатлениями. Впрочем, о том, что «Госпиталь для ветеранов войн №2» ни в чем, кроме широкой популярности, не уступает лучшим медицинским комплексам Москвы, я уже знал. Но популярность всегда короче правды. А правда там, где лечат лучше.

Об этом и речь.

Я был госпитализирован, когда вторая волна ковида пошла на спад. Победа казалась близка, отлаженность в работе госпиталя восстанавливалась быстро и грамотно.

Мой лечащий врач-кардиолог Ибрагимова. «Я очень рад, что лечился у Айши Руфатовны», – сказал мне мой афганский куратор, покидая госпиталь в день моего поступления.

Николай Смирнов – руководитель фрязинского отделения Всероссийской общественной организации «Боевое братство». В афганской бойне он был тяжело контужен (потеря глаза, другие увечья). Врачи госпиталя постоянно пролечивают его. А он, в свою очередь, помогает афганским ветеранам лечиться в ставшем для него и многих из них родном госпитале.

Ни одна война не заканчивается с последним выстрелом. Это хорошо знают солдаты и врачи

Кардиолог Айша Руфатовна приветлива, открыта. Она очень молода, но уже лечит людей. Как и многие ее одногодки, в госпитале она поддерживает силы тех, кто на полвека, а то и больше, старше ее. (Гериатрическая медицина – серьезная составляющая деятельности госпиталя).

В известном смысле, размышляю я под капельницей, медицинский персонал госпиталя представляет собой поколение, спасенное в годы войны теми, кого они спасают теперь от давних ран. Размышляю дальше: тугие узлы истории не ослабевают веками. Ни одна война не заканчивается с последним выстрелом. Это хорошо

знают солдаты и врачи. Знаю и я, побывавший (и получивший свое) в качестве журналиста на многих региональных войнах в Африке, Южной Америке, в Афганистане и в совсем уж забытых миром дерущихся южно-азиатских помойках.

Отделением, в которое я попал, руководит Сергей Николаевич Иванов. Анкета: врач-кардиолог высшей категории, доцент, кандидат медицинских наук. Штрих: Иванов – первый, кто принял в госпитале первого больного первой волны коронавирусной инфекции. Иванов не один, кто удостоился впоследствии почетной награды – грамоты президента Российской Федерации за самоотверженность, профессионализм и мужество в борьбе с COVID-19. Весь коллектив госпиталя принял на себя внезапный удар. Многие были удостоены высоких почестей и наград. Но я говорю об Иванове, потому что стал пациентом его отделения. Я видел его в работе.

Иванов четок в словах и в действиях. Обходы без суеты. Спокойный анализ состояния больного. Толковый разбор медицинских и административных ситуаций. 2-3 дня и понимаешь: ты в хороших руках.

Иванов отец троих детей – двух мальчиков и девочки. У детей разные характеры – вероятно. Разные темпераменты – пожалуй. Но у них единое хорошо осмысленное пристрастие, а именно – медицина. Их мать, как и их отец, заведует отделением госпиталя – гериатрическим. Светлана Викторовна Иванова – и врач-гериатр, и кардиолог высшей категории, и кандидат медицинских наук. Дети – студенты-медики. Полная медицинская семья, без единой оговорки.

Кроме общей. Во многих профессиях, как это ни прискорбно, между понятиями «специалист» и «хороший специалист» особой разницы нет. В медицине подобная разница критически важна. Этим в высшей степени и озабочен Сергей Николаевич. «Состояние медицинской науки и образования, – говорит он, – очень болезненный для меня вопрос... Вместе со снижением образования будет неизбежно снижаться и уровень практической медицины».

И делится гипотетическими опасениями: «Если дело пойдет так и

дальше, я буду бояться лечиться у своих детей». Обмолвка светская. Проблема – остро государственная.

Возвращаюсь в палату. Возвращаюсь к разговору. Думаю: потеря профессионального мастерства опаснее стихии или диктатуры. Могильщик, разучившийся копать могилы и роняющий в них гроб, – зримый предвестник краха любого государства.

... На пятые сутки лечения в отделении С.Н. Иванова записываю в блокнот: кардиологическое отделение госпиталя работает как сердце здорового человека.

Ночь. Я поднимаюсь с многосложной кровати, набрасываю халат и заступаю на привычную вахту у окна. В окне – десятки оранжевых огней – госпитальные постройки. Далее, правее КПП, баннер над лесной полосой. Оранжевые огни меня не трогают. Я ожидаю синих.

Они появляются в разное время ночи. Немигающие синие огни вздрагивают лишь на неровностях дороги. В районе КПП машины включают ярко-белые поисковые фары и как бы нащупывают место нужного поворота. Медленно едут вдоль бетонной дуги госпитальной ограды. Скрываются за темным длинным зданием патолого-анатомического корпуса. Однажды я подходил к этому корпусу днем. Неразговорчивые люди в униформе серого цвета с красными накладками на плечах возили на тачке газовые баллоны. Другие, такие же молчаливые, втаскивали в узкие двери вакуумный аппарат, станок для заливки парафиновых блоков. Я подходил, спрашивал, куда по ночам едут машины с синими огнями – сюда или дальше? Никто как бы не слышал моих вопросов.

Лишь случайно пробежавшая мимо санитарка, озабоченная моим видом, скороговоркой ответила: «Да. Это здесь». Каждую ночь.

Смерть – не последняя тайна жизни.

В госпитале используются методы озонотерапии и внутривенного лазерного облучения крови. Заведующий отделением врач-трансфизиолог Александр Григорьевич Наумов убеждает в

необходимости испробовать метод прямо сейчас и лучше пять сеансов. Попряд. По сеансу в день.

Поднимаюсь на десятый этаж. Очередь из 7-8 человек. День хмурый. В огромном окне процедурной – черные клубящиеся тучи. Три пациента уже познают «хирургию крови». Меня укладывают на твердую плоскую поверхность. Подушечка, левую руку вверх. Измеряют давление. Правая рука тоже в деле – готовят к игле. Слышу разговоры медсестер и пациентов. Чаще – обращение сестер к пациентам: «зайчик», «солнышко», «дружок». Пациентам по 70-80 лет.

В процедурной светлеет. Черные, лохматые как саперные афганские собаки, тучи за окном расходятся. Метеорологически – противоестественно. Психологически – лечебно. Подлинную силу нежных слов знают влюбленные и больные. Но чтобы и тучи?

Возвращаюсь в палату. Подсчитываю – ровно семь дней не слышал ни одного матерного слова. Ни разу – хоть и общаюсь не только с врачами. С пациентами – постоянно.

А сам? Рискую подзабыть кое-что и сам.

Ни матерщины, ни скандалов. Ни в коридорах, ни в палатах. Как так? Узнаю: в госпитале постоянно на всех уровнях медицинского персонала проводятся специальные обучения бесконфликтному общению с пациентами, посетителями и в собственной среде. Хорошее дело! Для одного госпиталя. Для страны в целом скорее всего неподъемное.

– Где, вы сказали, ваш отец воевал? – переспрашиваю постовую сестру Галину Гуленкову.

– В Корее.

– А я думал, что ослышался.

– Нет, воевал в Корее, был зенитчиком.

– А что-то потом рассказывал?

– Я мало что помню. Но помню, что их долго везли, потом долго держали на границе. Всех переодевали в военную китайскую форму, а потом на войну.

– Так.

– Да. И он получил там даже награду. Хотите, я принесу вам его медальку? Посмотрите. Но там не по-нашему...

Кем только мы ни награждены.

Часто хожу по госпитальному парку. Не запрещено. («Ходите размеренно», – Айша Руфатовна. Фосфоресцирующая белизна ее халата не допускает непослушания).

Узкие аллеи лучами сходятся к высокой торжественной стеле. На ее вершине – масштабное Распятие. Две надписи: «Медикам, павшим за Родину» и «Увенчи, Господи, Славою за Тя и Отечество пострадавша».

На первой надписи – блики золота. На второй – неба.

Я сижу на близкой к стеле скамье. Зеленые кипарисы стоят по стойке смирно. Мимо катают колясочников. Одних – родственники, других – санитары. В третий раз мимо меня проходит старик в спортивных штанах и стертom в локтях военном кителе. Вместо левой ноги – протез. Но упорно ходит без палочки. Опирается только на протез и на сердце.

Холтер, эхокардиография, МРТ, гравитационная хирургия, аудиометрия, лазеротерапия, автокераторефрактометр...

Какими бы высокотехнологичными и современными ни были госпитали или больницы, над ними всегда будут вращаться три незримых трапеции: боль, смерть и надежда. Дело за малым: работать так, чтобы боль была терпимее, смерть достойной, а надежда – неослабевающей. Да. Именно это и нужно людям. Ведь последнее, что нам остается, – это мы сами. С таким пониманием врачебной сути, ее масштабности, я и связываю простые слова: «где лечат лучше». Что во сто крат важнее популярности.

Впечатление: молоденькие медсестры рождаются с «безболезненными» иглами в руках. Если мне скажут: нехитрое это дело – без боли и точно попасть в вену, я спрошу: откуда у 80 процентов пациентов большинства больниц на руках фиолетово-красные разводы? Откуда, переспрошу я, и буду ждать ответа.

День-два и я уже знаю почти всех постовых и палатных медсестер. Интенсивность лечения нарастает. Еще через неделю знаю их имена и фамилии: Анастасия Спирина, Ольга Шибанова, Елизавета Мозина, Марина Вавилова, Юлия Бубнова...

Привыкаю к экзотике: рядом с медицинским постом телефон МГТС. Пользуйтесь – не у всех на мобильных деньги. Рядом с телефоном – томики Чехова и Лермонтова. А на второй день – Паустовского и Есенина. И томограф на подковке поста – измеряй давление при любом позыве. Чувствуй себя как дома. Дальше кинозал, аптека, зеленый уголок, музей госпиталя, спортивный комплекс, церквушка с постоянно горящим золотым фитильком. Все, что человеку надо.

– Одно хреново, – говорит сосед по столику в госпитальном кафе. – Хреново реально...

– А что?

– Негде покурить.

– А в парке, – говорю я, давно не курящий.

– По всей территории, – отвечает он. – Поймают – долечиваться будешь дома. Как тебе такое?

Тех, кого когда-то не свели лично передовая, фронт, война, сводят сегодня палаты и коридоры госпиталя. Общаясь, ветераны знакомятся друг с другом, вспоминают общее прошлое, удивляются как быстро прошли десятилетия.

Ж и з н ь...

Врач Ольга Александровна Трифонова в буквальном смысле слова ставит на ноги Владимира Ивановича Акимова. В годы войны Акимов был пехотинцем, пулеметчиком, разведчиком. Ноги бывшего бойца напоминают ему о трех тяжелых ранениях. Иногда напоминают остро. Иногда – жгуче. Но память хранит не только боль. И не только войну. Хранит и те годы, когда он, калужский семиклассник Володя Акимов усваивал уроки любимого учителя. А учителем был Константин Эдуардович Циолковский. После смерти великого человека школу так и называли – имени Циолковского. Из нее Володя и шагнул в огонь передовой.

Врач госпиталя Ольга Вячеславовна Молчанова постоянно лечит Марию Александровну Горбунову. Бывшей защитнице Москвы 100 лет.

В первые месяцы войны вместе со своими одноклассницами Маша прошла специальные курсы и вскоре умела по звуку различать в темноте типы фашистских самолетов и сообщать об их подходе к столице зенитчикам. Один из подбитых «фашистов» рухнул однажды рядом с местом их укрытия. Рухнул и взорвался. Машу спасло Провидение. Но темные волосы девушки на всю жизнь стали белым снегом. Мы – пациенты одного госпиталя, но разного времени. Емкость времени сравнить не с чем.

Постоянный пациент Сергея Николаевича Иванова генерал-майор Иван Андреевич Слухай. В 17 лет он вступил в народное ополчение, затем – военное пехотное училище. Ускоренный курс – Сталинградский фронт. Командир роты, командир батальона полка в 73-й гвардейской дивизии.

Войну закончил в 21 год! Закончил с тяжелыми ранениями и пятью боевыми орденами. В последующие годы занимал ряд военных постов. В феврале 1986 года Иван Андреевич был избран председателем Московского комитета ветеранов войны. (Бывший фронтовик – почетный гражданин города Москвы).

Сменив в свое время прежнее руководство комитета, генерал сменил и наскальную клинопись на двери своего нового кабинета:

«Прием посетителей по личным вопросам с... до...» Клинопись, которая до сих пор, подобно затвердевшему плевку, пребывает на миллионах начальственных дверей по всей России. «Работа с людьми, – сказал в те дни генерал, – по их личным вопросам и есть самое главное в моей жизни». Сказал, и за четверть века ни разу словам своим не изменил.

В коридорах и палатах госпиталя живет, звучит и движется на раненых когда-то ногах, на колясках, каталках, протезах, история страны. Ничуть не менее важная, чем та, что марширует и гремит на Красной площади в День Победы. В праздничном салюте обе истории смыкаются в одну.

В свободное от процедур время я смотрю на часть Волгоградского проспекта. Видимый отрезок собственно шоссе ограничен двумя лесными массивами и проходит за пределами госпитальной территории. Слышимость нулевая. Но машины не кажутся игрушечными. Среди легкового разноцветия по шоссе движутся громадные фуры, бензовозы, бетономешалки, рефрижераторы – 200/300/500 лс крутят каучуковую тяжесть миллионов колес. Катят встречные волны по бетонной реке, колеса должны крутиться постоянно, двигатели внутреннего сгорания должны работать без перерыва, Москва большая. Страна огромна, пространства требуют постоянного движения, пространство без движения – всего лишь бессмысленная даль. Я смотрю на это бесконечное движение и чувствую, что уже не болен, что здоров, что лично участвую в этом потоке общей для всех жизни. Это часть моего лечения. Это моя терапия, а если это обман, то он лишь в помощь моим старательным врачам. И совсем не бесполезное напоминание о продуктивности даже созерцательных минут моего земного срока.

Из парка лучше всего видна громада основного госпитального корпуса. Сотни окон. За каждым окном... За каждым окном... За каждым...

Никто не знает о тысячах и миллионах людей, терпящих свою боль, и не обязательно на войне. Не только на ее полях, но и в

госпитальных палатах, но и в обычной жизни. Лишь немногие борются, страдают и гибнут на виду у всех. Большинство преодолевают боль и испытания незаметно. Один на один. В больничной палате, в тесноте подводной лодки, в кабине горящего самолета, в ночном мраке над пропастью. Это невидимая миру борьба, это непрерывное миллионнократное преодоление боли и преград, стремление выжить и устоять, есть суть того, что от века в век укрепляет и сберегает человеческий род. Это та невидимая прочность, которая длит жизнь и проясняет ее временный смысл. Сила, которая защищает человека в самые трудные дни и годы.

Так было и в госпитале.

С этим, наверное, и следует жить.

Третья мировая волна

Становится все очевиднее, что коронавирусная инфекция оборачивается масштабным и опасным явлением, новой реальностью нашего бытия. А для медицинского сообщества – актуальнейшей проблемой. Нам остается принять эту реальность. Остается бороться с болезнью всеми силами и средствами, а также постоянно предвосхищать новые и новые ее волны. Если счет пошел уже на третью...

В этой борьбе опыт первой волны, работа во время второй – наши главные помощники. Наши ориентиры...

...Первых пациентов с коронавирусной инфекцией мы приняли 27 апреля 2020 года. Перепрофилирование госпиталя проводилось по решению департамента здравоохранения Москвы. Поступали очень тяжелые пациенты. Были, конечно, потери. Хотя боролись за каждого... Госпиталь уже с первых проявлений инфекции считался третьим этапом лечения, поэтому к нам везли из других стационаров очень тяжелых больных. Все наши врачи – любой специализации – становились инфекционистами. Колоссальные нагрузки... Но, повторяю, и колоссальный опыт. Сегодня без него мы бы вновь столкнулись с совершенно неизвестными

обстоятельствами. Как в первый раз.

...Особое внимание уделяли безопасной маршрутизации, фильтрации пациентов через боксы, обязательной дезинфекционной обработке санитарного транспорта... Главной задачей после оказания помощи пациенту было сохранение здоровья медиков... Экстренно закупали оборудование, дезинфицирующие средства, антисептики... Вчера – экстренно. Сегодня – разумно-планово. Опыт...

...Известно, что коронавирусная инфекция представляет особую опасность для людей старшей возрастной группы, однако это вовсе не означает, что люди 90+ не могут победить вирус. Примеры выздоровления в очень солидном возрасте были и есть в нашем госпитале. Мы выписывали пациентов 95-99 лет, у которых тесты при выписке отрицательные, самочувствие вполне удовлетворительное.

...Бывают простые бытовые вещи, которые в силу особых обстоятельств становятся вдруг олицетворением высоких понятий нравственности, добра, человечности... Куда, например, проще: помощь госпиталю в самое трудное вирусное время в организации питания работников в «красной зоне». В безвозмездной доставке бутилированной воды врачам и пациентам... Все это негромкая работа. Действия не только коммерческих, но и некоммерческих организаций.

...В кратчайшие сроки инженерно-техническая служба госпиталя проложила восемь километров трубопроводов для подачи кислорода. Было установлено и оснащено увлажнителями 860 точек.

...По существу безвозмездно сдают кровь все категории – врачи, медицинские сестры, младший медицинский персонал, работники охраны, бухгалтерии. В году у нас – несколько Дней донора. В госпитале – больше тысячи работников.

...С момента основания в госпитале ведется научный поиск методов лечения геронтологических больных. У госпиталя есть перспектива стать городским гериатрическим центром. Правда, по

моими ощущениям, наше общество еще в недостаточной степени озабочено оценкой здоровья пожилого человека.

...Пациент не может быть простым, особенно у нас в госпитале. Это умножает на 10 все особенности нашей работы. Терпение, возведенное в квадрат, куб и какую угодно степень. ...Вот чего требуют от нас сегодня ситуация, люди, страна.